

10.93

Гергиев Валерий

Валерий Гергиев: Место работы менять не собираюсь

— Валерий Абисалович, в начале сезона естественно начать разговор с планов — тем более, что в них, по сравнению с объявленным ранее, произошли уже некоторые перемены...

— Главное остается: фестиваль Римского-Корсакова, "Китеж", "Руслан" — центральные события сезона. К фестивалю, наряду с "Китежем" и представленными еще в минувшем сезоне "Псковитинкой" и "Садко", готовим также и "Кашея Бессмертного" (режиссер Иркин Габитов, художник Вячеслав Окунев) — премьера назначена на 14 декабря. Но самое важное, конечно же, "Китеж" — на мой взгляд, одна из величайших русских опер, незаслуженно редко исполняемая. Над ней мы работаем вместе с режиссером Алексеем Степанюком и художником Маргом Китаевым.

Что касается "Руслана", то это произведение безусловно должно идти на нашей сцене постоянно. Конечно, не в том виде, как это было еще недавно. Хотя, как мне кажется, декорационное решение Коровина и Головина стоит сохранить.

— Стало быть, вы хотите вновь повторить путь, которым шли в "Садко" — старые декорации и новая режиссура?

— С той только разницей, что декорации к "Садко" не сохранились воссоздавать их заново... Кроме того, "Руслан" будет нашей совместной работой с Оперой Сан-Франциско, и постановку осуществит ее директор, известный режиссер Лотфи Мансури.

— А с чем вместе пойдет "Кашея Бессмертный", учитывая, что это — одноактная опера?

— Первоначально предполагалось, что со "Скупым рыцарем" Рахманинова — согласно договору с Дрезденской Земпер-опер, этот спектакль, осуществленный известными вам по "Волшебной флейте" Штэффеном Пионтеком и Мартином Рупрехтом при участии наших солистов, может передаваться в собственность Мариинского театра. Но здесь есть много вопросов: мне еще надо четко представлять, какие контуры будет иметь декабрь в связи с тем, что гастроль в Японии могут несколько подсократиться. Тогда более вероятным станет показать сразу две оперы. Если нет — остановимся на одной, тем более, что уже 21 декабря предстоит концертное исполнение "Золушки" Россини с участием Ольги Бородиной, которая уже давно ждет этого часа, потому что ее возможности, как колоратурного меццо еще далеко не раскрыты.

— Это тоже — ваша работа?

— Нет. Мною приглашен один из лучших сегодня специалистов по Россини, художественный руководитель Ла Скала Альберто Зедда.

— Простите, а кто же тогда Риккардо Мути?

— Музикдиректор. Там эти функции разделены. Зедда не столько дирижирует сам, сколько отвечает за состояние репертуара, за приглашение дирижеров и певцов... Я думаю, будет лучше для всех, если этим займусь не я, а такой блестящий знаток россиниевского стиля.

Ольгу Бородину, как я надеюсь, петербуржцы услышат в этом сезоне и в партии Далилы: предполагается показ на нашей сцене постановки оперы Сен-Санса, осуществленной недавно в Перми...

И еще одна важная работа этого сезона — "Свадьба Фигаро". Дирижер-постановщик — Юстус Франц. Я с большим уважением отношусь к этому человеку, который в свое время первым среди западных импресарио поверил в огромный потенциал Кировского театра и начал энергично с нами сотрудничать. Едва услышав "Хованщину" на самых первых ее представлениях, он сделал все для того, чтобы она была показана на Шлегель-Гольштейнском фестивале, коего интендантом он является, уже летом того же 1989 года. Можно сказать, что тот успех в Гамбурге во многом подготовил целый ряд последующих наших достижений на международном уровне — многочис-

ленные гастроль, участие в крупных фестивалях, телевизионные трансляции, видео- и аудиозаписи... Юстус Франц сразу почувствовал, что это — тот театр, с которым стоит иметь дело. Так началось сотрудничество Юстуса Франца с нашим коллективом. Сегодня — иногда с большим успехом, иногда с меньшим — мы собираем плоды этого сотрудничества. И уже само появление еще одной оперы Моцарта в репертуаре Мариинского театра вызывает у меня очень положительные эмоции. А к "Свадьбе Фигаро" я и сам, вслед за Юстусом Францем, с величайшим бы наслаждением прикоснулся и, может быть, внес какие-то свои краски...

— А кто режиссер этого спектакля?

— Вопрос почти решен в пользу молодых, но называть имена пока рано.

Ну и, забегая немного вперед, скажу о том, что крупнейшие задачи театра уже на сезон будущий — "Сила судьбы" Верди и "Парсифаль" Вагнера. Возможно, будет также и новый "Лоэнгрин". Для меня эти две оперы являют собой как бы одну огромную поэму жизни самого Вагнера. Не исключено даже какое-то общее решение в единых декорациях...

— А каковы перспективы сотрудничества с такими театрами, как Ла Скала, Мет — с последним, сколько я помню, существовал проект совместной постановки "Князя Игоря"...

— Такой проект действительно рассматривался и, я думаю, мы еще вернемся к этой теме, когда через несколько месяцев я буду готовить в Метрополитен Оперу постановку "Отелло" Верди. К сожалению, технические возможности наших театров очень разнятся: у Мет мощная техника, позволяющая буквально в три секунды сменить одно сценическое положение на другое, все компьютеризировано. У нас этого нет, да и не может быть в здании Мариинского театра: мы же не можем вырыть котлован метров в десять-двадцать глубиной — близко грунтовые воды...

А в целом престиж нашего театра и в Америке, и в Италии чрезвычайно высок, что дает базу для всевозможных комбинаций с любым из театров этих стран. В том числе и Ла Скала, откуда я уже получил несколько предложений, и речь только о том, чтобы найти такой проект, который можно было бы реально осуществить в сезоне 95/96 годов к обоюдному успеху наших театров. Есть общие проекты и с театрами Чикаго, Сан-Франциско, Флоренции. Словом, возможны самые разные сочетания. Но я не думаю, что главная цель сегодня — набрать как можно больше совместных постановок. Важно, чтобы они давали возможность взаимно обогащать друг друга, учиться друг у друга и распространять лучшую часть творческой продукции, которой мы или они владеем, на широкое мировое пространство, а не сидеть у себя дома и бубнить под нос: вот, мы, дескать, лучше всех играем "Бориса Годунова"...

— Кстати, по поводу "Бориса". Клаудио Аббадо в интервью нашей газете выразил горячее желание продиректировать здесь "Бориса". Это реально?

— Прежде всего мне было очень приятно это прочитать, тем более, что когда мы виделись полтора года назад, я сразу заговорил о том, чтобы он когда-нибудь нашел возможность продиректировать у нас "Бориса". В марте, посетив его спектакль "Пеллеас и Мелизанда", я снова повторил, что Мусоргский его ждет. И я очень рад, что он сегодня уже так официально, печатно заявляет о своей готовности к этому. Аббадо — один из самых лучших дирижеров и я со своей

стороны сделаю все, чтобы это произошло как можно раньше.

— А кого еще из крупных дирижеров можно будет уже в ближайшее время увидеть за пультом Мариинского театра?

— Уже в этом сезоне за него встанут Джеймс Конлонн из Кельна и Кристоф Эшенбах из Хьюстона. У меня есть договоренность с Эса-Пекка Салоненом о его приезде на фестиваль "Звезды Белых ночей" в 95-м году...

— А, кстати, о фестивале: что нас ждет в будущем году? У вас уже есть какая-то определенная концепция, программа?

— Есть, я бы сказал, такая общая канва. Ну, во-первых, в рамках фестиваля будут показаны наши новые работы — "Китеж" и "Руслан". Затем, я считаю, надо сделать еще один шаг навстречу Берлиозу — будет "Ромео и Юлия". Надо сделать еще одну попытку освоить язык Брукнера — на сей раз прозвучит Девятая симфония. Мне кажется, что в рамках этого фестиваля должно иметь место и концертное исполнение "Силы судьбы". А на следующем фестивале можно также ожидать и концертного исполнения "Леди Макбет Мценского уезда" Шостаковича. Пока концертного, но я надеюсь в ближайшее время будет и сценическая ее постановка.

— Как и предполагалось, в сотрудничестве с Ростроповичем?

— Да, проект этот пока остается — Мстислав Леопольдович недавно даже публично объявил, что договорился со мной об этой постановке. Понимаете, здесь ситуация несколько иная, чем с Аббадо. Аббадо мне ничего не говорил о сроках. Ростропович сказал — через три года. Но три года — это слишком много, "Леди Макбет" должна пойти у нас в театре раньше. Кстати, разговор о такой возможности мы начали с Мстиславом Леопольдовичем еще в 1989 году, когда все это вообще казалось несерьезным. Сейчас все другое — другая ситуация, да и театр другой. Сегодня этот театр, как я осторожно позволю себе заметить, может быть даже заслуживает того, чтобы где-то что-то отменить и приехать сюда. Мы все относимся к контрактам с уважением, но я бы очень хотел, чтобы ведущие мировые музыканты как можно чаще демонстрировали такую блестящую реакцию, как, скажем, Пласидо Доминго.

— Кстати, а кто из оперных звезд продолжит эту эстафету в обозримом будущем?

— Выбор есть. Однако немно-

гие смогут показать тот уровень, на котором здесь был Доминго. Поэтому я бы предпочел, чтобы он же был и следующим. Я ведь не случайно обращаюсь к "Парсифалю", имея в виду и его тоже. В ближайшее время у нас с ним есть совместный проект в Сан-Франциско — "Иродиада" Массне, которую мы будем делать в театре, а потом записывать на "Сони". Но мне бы очень хотелось в ближайшее время вновь видеть его и на этой сцене — я недавно послал письмо и не далее как сегодня собираюсь говорить с ним по телефону...

— Может быть, он здесь выступит и в дирижерской своей ипостаси?

— Может быть... Не забывайте только, как он чудовищно занят и расписан на много лет вперед.

— В последние месяцы в стенах театра — именно в стенах, а не на сцене — можно было встретить известных солистов, которые сегодня в нем фактически не работают. Я говорю о Владимире Чернове, Ларисе Шевченко, Алексее Стеблянке. Видите ли вы реальную перспективу их возвращения к активному сотрудничеству с театром?

— Я готов все сделать для того, чтобы названные вами певцы выступали с нашим театром. Это все — прекрасные артисты, которые могут принести истинную радость любителям оперы своим искусством. Никто не просил их покидать Мариинский театр, да, кстати, они и сегодня продолжают числиться нашими солистами. Но я бы не хотел, чтобы сотрудничество наше носило лишь формальный, бумажный характер...

Через несколько лет — вспомните мои слова! — здесь и гонорары будут приближаться к тем, что на Западе. И вот тогда — мне бы, правда, не хотелось, чтобы только тогда происходили возвращения домой... Ведь не только от доллара или немецкой марки зависит качество пения...

— Валерий Абисалович, я бы хотел вернуться к вопросу репертуара. На сцене Мариинского театра вот уже несколько лет не ставилось новых опер и в ближайшей перспективе их тоже пока не видно...

— Да, это — слабое место в моей политике. Очевидно, такова своеобразная реакция на этот сложный, напряженный момент перехода от Кировского театра — одного из наиболее обеспеченных государственной поддержкой театров, которому создавались все условия на уровне обкома партии, чтобы выпускались такие фундаментальные современные премьеры (как правило, произведений Андрея Павловича Петрова) — к Мариинскому.

Сейчас мы, к сожалению, не ставим новых опер, хотя намерения такого рода возникали и возникают. Мне, например, советовали обратиться к опере Шнитке, но по разным причинам это отпало. Сам я подумывал об опере Баншикова — очень талантливого петербургского композитора, о "Тиле Уленшпигеле" Каретникова, о произведениях молодых авторов. Понимаете, хочется, чтобы называлось "попасть в десятку", чтобы колоссальный труд всего коллектива в течение трех-четырех месяцев не окончился неудачей. Хочется если уж и не удостоиться, подобно Направнику, чести продиректировать премьеру оперы нового Мусоргского или Римского-Корсакова, то во всяком случае найти свою жар-птицу — то произведение, которое мы сможем показать миру, стране, в которой живем, окончательно утвердив себя как театр прогрессивный. Без этого мы — наша генерация артистов Мариинского театра — просто не можем претендовать на то, чтобы остаться в истории, как люди, действительно много сделавшие для расцвета этого театра, для развития русской оперной традиции в це-

лом. — Несколько месяцев назад отметили свое сорокалетие. Как ощущаете для себя эту дату?

— Иногда, конечно, я чувствую, что сорок — это не тридцать, но каждый час, и не каждый ден. Наверное еще рановато говорить о каком-то намечающемся бурном спаде энергии. Но очень хотелось бы, чтобы энергия наша — моя и моих, если можно так сказать, сподвижников — уходила не на преодоление каких-то сложностей бытия, а на то, чтобы успеть себя действительно творчески реализовать в этой жизни. И в этой связи многого хотелось бы дать и от администрации театра. Безусловно, дирекция в ее нынешнем составе способна приносить пользу такому огромному коллективу. И она приносит — прежде всего в плоскости, я бы сказал, морально-атмосферной. Нет такого агрессивного противостояния друг другу, конфронтации и постоянного сталкивания людей и течений — вот чем мне особенно симпатична сегодня наша дирекция. Все это — люди опытные, но это — меня иногда и страшит. Ведь необходимо коренным образом менять структуру театра, которая все еще выглядит так же, как при Сталине и Кирове. Наше штатное расписание, к примеру... Иногда просто с ужасом думаю: сколько времени еще можно так продержаться, ведь в конце концов все может просто рухнуть. Да и вообще — ну нельзя сегодня на "Москвиче-401" ездить по одним и тем же дорогам с "Мерседесами" последней марки: сколько ни нажимайте на газ, над вами смеются!..

Я вижу сегодня точку опоры для движения вперед не в том, чтобы было еще больше репетиций оркестра, чтобы еще больше пригласить в театр молодых певцов, а в том, чтобы реорганизовать систему, сделать ее более умной. А пока — вот я недавно получил данные по прошлому сезону: есть певцы, которые спели за сезон 47 спектаклей (и все — ведущие партии), а есть — два или три. Математика весьма поучительная. А оплачиваются, заметьте, одинаково. Значит, систему надо менять, а это — головные боли. Но мы не проедем долго на этом бензине — всем поровну прибавить, всем поровну поездить...

— И последний вопрос: сейчас много разговоров идет о возможном уходе Юрия Темирканова с поста художественного руководителя оркестра Филармонии и в этой связи постоянно возникает ваше имя, как единственного достойного преемника...

— Знаете, я никогда не рассматривал для себя всерьез такую возможность, потому что знал: в Филармонии есть Темирканов. Мне даже и гипотетически говорить на эту тему неловко, тем более, что он много лет был моим художественным руководителем. Я не совсем представляю, что там за ситуация и о чем сейчас идет речь. Но позвольте сказать такую вещь: мне кажется, что за последние пять лет довольно много сделано здесь — создан какой-то репертуар, создан какой-то стиль, оркестр Мариинского театра играет определенным образом и зачастую именно так, как мне бы хотелось. Так что я и не помышляю о каких-то переходах на другую работу.

— А совмещать того и другого?

— Нет, я не думаю, что это — тот вариант, который мне хотелось бы обсуждать. Можно, конечно, строить целые музыкальные империи, но лично я никогда не считал, что должен непременно возглавлять все. Мне кажется, что и в Мариинском театре работы достаточно.

Беседа с Дмитрием МОРОЗОВым. Фото Владимира ГРИГОРОВИЧ